

«НАША ЖИЗНЬ — КИНЕМАТОГРАФ»

Труда — 1996 — 24 февр. — с. 5

Так могут сказать о себе члены одной известной семьи

В этом доме властвует кинематограф. На фотографиях оживают кадры из фильмов, вошедших в историю нашего кино: «Мир входящему», «Тиль Уленшпигель», «Бег», «Скверный анекдот». Жизнь кинематографа бьется в телефонных беседах, когда вновь и вновь повторяются слова «сценарий», «съемка», «роль», «проба».

Имена Владимира Наумова и его жены Натальи Белохвостиковой хорошо известны десяткам миллионов зрителей в России и за пределами. А недавно их дочь, Наташа-младшая, окончившая в прошлом году ВГИК, актерскую мастерскую Армена Джигарханяна, сыграла одну из главных ролей в фильме «Белый праздник».

Картина снята более года назад, она была показана в Париже, на кинофоруме, организованном по инициативе Жака Ширака. Там же состоялась мировая премьера фильма. В Италии, на кинофестивале в Римини, лента была удостоена премии «Амаркорд». К сожалению, в России «Белый праздник» почти не был в прокате — как это постоянно происходит с отечественными лентами.

— И в этот критический для отечественного кинематографа час ваша дочь дебютирует на экране, вступая на зыбкую, неверную почву? — спрашиваю я у Наумова.

Владимир Наумов: — Она сама выбрала этот путь — с детства снималась, по сути, жила в кино. Для Наташи очень многое значило, с какими актерами она встретится в первой своей работе. Ей повезло — ими были Иннокентий Михайлович Смоктуновский и Армен Борисович Джигарханян.

У меня хранится шесть последовательных снятых фотографий. Они сделаны перед съемкой, когда мы ждали нужной нам погоды. На этих снимках Наташа и Смоктуновский сидят около дерева. И видно, как они близки друг другу в эти минуты. Великий актер умел и любил помогать своим молодым коллегам, вот почему я считаю, что у Наташи счастливое начало. А это уже немало.

— В «Белом празднике» играла и Наталья Николаевна. Помогло ли дочери ее присутствие в картине?

Наталья Белохвостикова: — Наши героини в одном кадре не встречаются. И я только издали наблюдала, как складывается у Наташи ее дебют, поэтому никак не могла влиять на работу дочери.

— Вы — ученица Сергея Герасимова, для вас, девятинадцатилетней, он написал роль Лены Барминой в фильме «У озера», принесшей вам признание. Школа Герасимова обычно формирует его учеников на всю последующую жизнь в кино...

Н.Б. — Моя актерская основа действительно заложена в годы учебы у Сергея Аполлинариевича и Тамары Федоровны Макаровой. Но уже после первой картины с Аловым и Наумовым я изменилась — иным стало мое ощущение кино, как вам сказать... У Герасимова мы все знали про слово, про интонацию, про своих героев, жили ими. У Алова и Наумова я научилась воспринимать фильм как огромное полотно с мощным образным решением и звуковым рядом, где я, актриса, — частичка всего этого творения.

— Кроме прекрасных режиссеров, у вас были партнеры, о которых мечтает каждая актриса. Вы встречались на съемочной площадке с Василием Шукшиным, Владимиром Высоцким, Михаилом Ульяновым, Олегом Далем, Николаем Ере-

менко, Игорем Костолевским... На экране вы играли страстную любовь к их героям. А в жизни — неужели ваше сердце ни разу не дрогнуло?

Н.Б. — Поверьте, для меня всегда существует незримый, но прочный рубеж между работой и моей личной жизнью. Я никогда специально не выстраивала такую стену, это, видимо, моя натура.

— Неужели и перед Аленом Делоном устояли? И вообще, как он появился в советской картине «Тегеран-43», до и после этого никогда не работавший с нашими кинематографистами?

В.Н. — Поначалу мы не рассчитывали снимать Делона. А случилось все однажды вечером в Париже, когда мы обсуждали предстоящие съемки. Нам нужен был французский актер на небольшую роль инспектора полиции Фоша. Кто-то из нас предложил: «А не пригласить ли нам Алена Делона?» Наш французский продюсер Жорж Шейко, до этого работавший с Делоном, чуть не упал в обморок от такой идеи. Во-первых, по его словам, Ален Делон никогда не согласится на такую крошечную роль — фактически эпизод. И, во-вторых, для этого необходимо огромная сумма. Однако мы настояли на своем и заставили продюсера позвонить Делону — скорее из озорства, нежели рассчитывая на его согласие. Делон немедленно согласился встретиться с нами. Прочитав два машинописных листа с его ролью, он не поверил своим глазам: «И это все! Так мало?» Мы пообещали, что допишем роль. Делон спросил: «Когда будет готово?» — «Завтра к десяти утра». Он иронически улыбнулся: «Хорошо...»

За ночь мы дописали эпизоды, перевели на французский, и через несколько дней Делон начал сниматься в нашей картине.

Н.Б. — Он приехал с двумя телохранителями, был одет в разного рода противоударные приспособления — жилет, нарукавники и т.п., чтобы не разбиться во время съемки, когда его герой падает. Я в это время бегала на тонких «шпильках» и в тонком пальтишке, без всяких средств защиты — у нас это не было принято. И когда мы с ним падали на бульварную мостовую Сены, я расшиблась и потом несколько недель ходила в синяках.

— «Тегеран-43», как, впрочем, и другие ваши фильмы, имел огромный прокатный успех.

Очереди стояли у самых больших московских кинотеатров. Сегодня все мы вынуждены говорить о пустых залах...

Н.Б. — Последнее время я с тоской прохожу по «Мосфильму», где снималась много лет. Помню гримерные, где иногда приходилось ожидать своей очереди, так много актеров собиралось здесь. Помню сложный грим, которым владели наши искусники, причем не было тогда в помине французской косметики. Сейчас это пустые, мертвые помещения.

В.Н. — А разве мог бы я сегодня пригласить Ульфса из Таллина, Будрайтиса из Вильнюса, мог бы снимать Леонова, Ульянова, Демидову, Малеванную, Солоницына? Уезжать в дорогостоящие экспедиции?

Сейчас я вынужден платить мизерные суммы за работу актерам, занимающим у нас первые позиции. Я пригласил сниматься в «Белом празднике» Смоктуновского и Джигарханяна, оба — мои старые друзья, с обоими я и прежде работал. Честно назвал им сумму, которую могу заплатить. Это государственные расценки, униженно низкие, просто стыдно называть их. Сказал им, что они вправе отказаться, я не буду в обиде. Предложил им день на раздумье. Оба тут же ответили мне: «Будем сниматься у тебя». И снимались, причем три четверти съемочного периода вообще не получали никаких денег. До сих пор не выплачен гонорар моему соавтору по сценарию «Белый праздник», великому кинодраматургу Тонино Гуэрра. Конечно, слава Богу, что есть еще бескорыстные люди, но так существовать невыносимо, ненормально.

— На что вы в таком случае ориентируете ваших учеников, среди которых есть одаренные, перспективные люди? Как же им жить в своей профессии?

В.Н. — Некоторые из моих уче-

ников, способные снимать серьезные фильмы, занялись клипами, рекламой. С одной стороны, я за них рад: они получают от случая к случаю приличные гонорары. С другой — клипмейстерство формирует «окороченное» творческое мышление, от которого избавиться не так-то просто.

Каждодневный поток клипов, рекламы, а также бесконечные сериалы, как паутиной, опутывают и сознание зрителей, отвращая от настоящего кино. И происходит это не только у нас. Потерю зрителя чувствовал Феллини, самый великий, на мой взгляд, режиссер кино. Незадолго до его смерти я был в Италии, и он сказал мне страшные слова: «Мой зритель умер». А в это время, как бы опровергая сказанное им, нас окружили люди, они просили у Феллини автографы даже чаще, чем у шедшей рядом Джульетты Мазини. Показав на этих людей, я сказал: «Как же умерли? Вот они!» Но Феллини горько усмехнулся: «Нет. Просто они знают мое лицо, мое имя, но мои фильмы их не интересуют».

Думаю, великий маэстро был не прав. Его зритель не умер и никогда не умрет. Да, кинематограф коммерциализируется. Но если останется хотя бы небольшая прогалина для настоящего кино, — останется и зритель, которому оно нужно. Это я и стараюсь внушить своим студентам.

— Найдут ли нынче молодой режиссер деньги на постановку?

В.Н. — Если сегодняшняя ситуация в кино не изменится к лучшему, то, скорее всего, не найдет. Работать в кино смогут лишь шустрейшие единицы или те, кому повезет. Сейчас даже за обучение в институте приходится платить.

— Важно и другое — о чем они будут снимать фильмы? Что увлекает молодых, например актрису Наталью Наумову?

Н.Н. — Увлекают картины, способные задеть чувства, когда что-то внутри затревожится, может быть, заболит... Когда я целиком ухожу в фильм, когда судьбы героев рождают во мне отклик...

— То есть вам в первую очередь важна эмоциональная стихия фильма. А есть ли у нас сегодня такие картины?

В.Н. — Сегодня молодые смотрят в основном зарубежное кино.

Н.Н. — А наше все равно дороже и ближе.

— Наталья Николаевна, вы можете себе представить Наташу в одной из сыгранных вами ролей?

Н.Б. — В принципе — отчего бы нет? Но Наташа — человек иного поколения, и она принесла бы на экран свое мироощущение. Наверное, и я сейчас сыграла бы свои роли не так, как в ту пору. Все мы очень переменялись, а кино точно фиксирует твоё состояние на момент съемок. В театре можно что-то скорректировать, убрать, дополнить, додумать, в кино все бывает только один-единственный раз — и навсегда. Был ли ты готов к этому?

— Наташа, среди ваших ровесников наверняка есть люди, стремящиеся работать за рубежом, мечтающие остаться там навсегда. Приходили ли к вам подобные мысли?

Н.Н. — Осенью прошлого года я была в Венеции. Там познакомилась с москвичкой Катей, она немного старше меня, учится в Венеции живописи уже два года. Как-то ночью мы гуляли по этому дивному городу. Полупустые улочки, звезды отражаются в воде каналов. Какая-то тайна разлита во всем... Я вдруг подумала о Москве, где мы боимся вечером выходить из дома. Сказала об этом Кате, она подтвердила — да, здесь ничего подобного не происходит. Опять выходит — мы во многом из другой жизни, другой страны...

Н.Б. — А меня во время последней зарубежной поездки поразило то, как сохранили чувство любви к родине русские люди, корни которых уходят еще в первую волну эмиграции. В Париже на премьеру нашей картины пришел князь Шаховской с дочерью, ей лет двадцать. Если бы меня попросили нарисовать портрет идеальной русской девушки, я бы назвала ее, молодую княжну: у нее прелестное, ясное лицо, обрамленное светлыми волосами, она изумительно говорит по-русски, строго одета... Я слушала ее, смотрела на нее и думала о том, что мы утратили любовь к неповторимой, самобытной своей России.

В.Н. — Добавь, что у нас утрачено и то чувство собственного достоинства, которое буквально светилось в князе Шаховском. Мы забыли о таких ценностях, как достоинство, честь, верность своему слову...

— И все же... Человек не может жить без надежды. Что полагает вам надежда в жизнь, в будущее?

В.Н. — Как главный оптимист в этом доме, я ни во что не верю.

— А я не верю вам: вы работаете, помогаете своим ученикам, начали новый фильм...

В.Н. — Если серьезно, то верить можно только в себя. Еще в людей, которым важно, чтобы наше кино не умерло. На них я рассчитываю.

Н.Б. — Я по-прежнему буквально взлетаю вместе с новой творческой идеей. Предлагаю сценарий — верю, что он гениальный и родится гениальный фильм. Начиная этим жить, ни о чем другом не думаю. Так было в молодости, так и теперь.

Беседу вела
Эльга ЛЫНДИНА.